

УДК 81'42
ББК 81.2-5

Л.В. Гущина

**К ВОПРОСУ
ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ
КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИХ
ФУНКЦИЙ
ДИАЛОГИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА**

Статья посвящена изучению диалогического дискурса и иерархической модели реализации его коммуникативно-прагматических функций. Диалогический дискурс рассматривается как результат совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий кроме собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков, обеспечивающих адекватное понимание сообщаемого. Выделяются основные (базовые), доминирующие и дополнительные коммуникативно-прагматические функции.

Ключевые слова: *диалогический дискурс, коммуникативно-прагматические функции, регулятивная функция, метаязыковая функция, поэтическая функция, эмотивная функция.*

Гущина Людмила Викторовна – канд. филол. наук, доцент (докторант) кафедры теории и практики английского языка Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 218-23-18
E-mail: milnekh@yandex.ru; lyudmila_gushchina@mail.ru

Диалогический дискурс, являясь комплексным многомерным образованием, представляющим собой сложную систему взаимодействия и взаимосвязи многоаспектных лингвистических и экстралингвистических факторов, обладает рядом коммуникативно-прагматических функций. Коммуникативная, когнитивная (познавательная), фатическая, регулятивная, экспрессивная (эмотивная), метаязыковая и поэтическая (эстетическая) функции являются, на наш взгляд, основными, реализующимися в диалогическом дискурсе.

Пожалуй, невозможно говорить о том, что в определенном диалогическом дискурсе реализуется только одна функция языка. Очевидно, что в процессе порождения диалога происходит взаимодействие целого комплекса языковых функций. Поэтому мы полагаем правомерным говорить о существовании иерархической модели реализации коммуникативно-прагматических функций диалогического дискурса, включающей в себя: *базовые (основные) функции* (способствующие порождению самого процесса коммуникации, обеспечивающие ее протекание, другими словами, те функции, которые являются обязательными в ситуации возникновения диалогического дискурса); *доминирующую функцию* (определяющую коммуникативную целенаправленность дискурса); *дополнительные функции* (привносящие дополнительные оттенки коммуникативной целенаправленности дискурса).

К базовым функциям мы относим коммуникативную, когнитивную и фатическую функции языка, поскольку полагаем, что именно их наличие и взаимосвязь обеспечивают появление самого диалогического дискурса. Логично предположить, что ни один диалогический дискурс не может быть организован, если эти функции не реализуются в речи.

В качестве доминирующей и дополнительной функций могут выступать регулятивная, экспрессивная (эмотивная), метаязыковая, поэтическая и др., непосредственно определяющие целенаправленность диалогического дискурса. Присутствие дополнительных функций вносит свои коррективы, усиливает воздействие доминирующей функции и, как следствие, порождает более сложную систему диалогического дискурса.

Рассмотрим те коммуникативно-прагматические функции диалогического дискурса, которые могут выступать в роли доминирующих или дополнительных функций.

Регулятивная функция. В сообщениях, сосредоточенных на адресате, на первый план выходит функция регуляции его поведения (путем побуждения к действию, к ответу на вопрос, путем запрета действия, путем сообщения информации с целью изменить намерения адресата совершить определенное действие и т.п.). Данная функция объединяет те случаи использования языка, когда говорящий ставит своей целью непосредственно воздействовать на адресата: побудить его к какому-то действию или запретить ему что-либо делать, заставить ответить на вопрос и т.д. [Мечковская; Норман].

Р.О. Якобсон именует эту функцию по-разному: конативная (англ. *conation* – способность к волевому движению) или апеллятивная (лат. *appellare* – обращаться, призывать, склонять к действию); иногда ее же называют призывно-побудительная или волюнтаривная (лат. *voluntas* – воля, желание, хотение) функция.

Очевидно, что с регулятивной функцией связаны намерения, цели говорящего, т.е. то, ради чего он обращается к слушающему. Исследования того, каким образом говорящий стремится воздействовать на слушающего, и как слушающий воспринимает коммуникативно-побудительные намерения говорящего, в 60-х гг. XX в. сформировали особое лингвистическое направление – теорию речевых актов, тесно связанное с психологией общения, теорией коммуникации и лингвистической прагматикой.

В каждом речевом акте в процессе взаимодействия говорящего и слушающего есть три уровня, или фазы: 1) речевой акт в аспекте используемых в нем языковых средств (локуция); 2) речевой акт в аспекте намерений и целей говорящего (иллокуция); 3) речевой акт в аспекте результатов, т.е. воздействия на сознание и поведение адресата (перлокуция). В зависимости от цели различают такие классы речевых актов, как вопрос, запрещение, просьба, побуждение, приказ, предостережение, совет, уговоры, убеждение, сообщение (информиро-

вание). Для самых общих классов речевых актов языки выработали специальные синтаксические структуры – повествовательные, вопросительные, побудительные предложения.

Однако следует отметить, что различного рода побуждения не всегда оформляются как таковые, выражаясь при помощи «собственных» языковых средств. Другими словами, в так называемых косвенных речевых актах грамматическая структура не соответствует намерению говорящего. Следовательно, в распоряжении регулятивной функции находятся многообразные лексические средства и морфологические формы (особую роль тут играет категория наклонения), а также интонация, порядок слов, синтаксические конструкции и т.п.

В отличие от логики, которая стремится видеть в высказывании суждение и различать суждения истинные и ложные, теория речевых актов рассматривает высказывание в качестве акта общения и исследует его с точки зрения искренности говорящего и успешности его речевых действий [Дейк ван, Кинч].

Следует отметить, что *регулятивная функция* направлена не только на создание, поддержание и регулирование благоприятных отношений в человеческих микроколлективах, т.е. в той реальной среде, в которой обитает носитель языка, но иногда человек прибегает к ним в «репрессивных» целях – для того, чтобы отдалить, оттолкнуть от себя собеседника. Иными словами, язык используется не только для взаимных «поглаживаний», но также для «уколов» и «ударов» посредством угроз, оскорблений, ругательств, проклятий и т.п.

Нацеленность на адресата роднит регулятивную функцию с *коммуникативной*; вместе с регулятивной функцией рассматривают также функцию *фатическую*.

Экспрессивная (эмотивная, эмоциональная) функция позволяет выражать в языке свои чувства, ощущения, переживания, эмоции. Она исторически соединена с *коммуникативной* и выражает отношение человека к сообщению. В основе ее находятся непосредственные врожденные реакции, выражающие расположение или агрессию. Другими словами, если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется *эмоциональная*, или *экспрессивная, функция речи*.

Р.О. Якобсон предпочитал называть эту функцию не *эмоциональной*, а *эмотивной*, поскольку она связана «со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [Якобсон, 1975, с. 198].

Предполагается, что экспрессивная функция сочетает в себе два аспекта: 1) выражает чувства или отношение говорящего; 2) вызывает (пробуждает) определенные чувства, эмоции у слушающего. Она придает выразительность человеческой речи, делает ее более доступной для понимания. Кроме того, она выражает состояние человека и его отношение к той информации, которую он сообщает. Эта функция речи может как усиливать значение информации, так и обесценивать ее.

Основным средством выражения эмоций в речи является интонация. Эмоции в речи выражаются также с помощью междометий и (значительно в меньшей мере) словами с эмоционально-экспрессивной коннотацией. Чем сильнее в слове экспрессивно-оценочный компонент значения, тем неопределеннее его денотат [Мечковская].

Экспрессивная функция, оказывая существенное влияние на отношения людей, может использоваться и как средство воздействия, выражая (подбором слов или интонацией) личность говорящего, его настроения и эмоции.

Мы полагаем, что экспрессивность значимых единиц языка, образующих его инвентарь, тесно связана с прагматикой речи. «Экспрессивность представляет собой (в общем случае) отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нем при их обозначении. А экспрессивная функция языковых единиц заключается в их способности выражать такого рода субъективную модальность» [Телия, с. 308].

Согласно мнению Дж. Лионз, *экспрессивная функция* состоит в выборе говорящим элементов, делающих высказывание уместным на фоне его установки или эмоциональной вовлеченности в содержание его речи [Lyons, p. 583]. Говорящий может быть ироничным, скептическим, сдержанным, насмешливым, сентиментальным и т.п. На сами установки говорящего могут воздействовать степень формальности и межличностные отношения, но даже при этом экспрессивная функция выделима из числа остальных. Другие функции, такие как поэтическая, могут обслуживаться экспрессивной функцией, которая может повысить или понизить эффективность их [Eng, p. 140], например, сделать содержание текста интригующим для читателя и придать художественные, эмоциональные и интеллектуальные свойства.

В качестве еще одного аспекта *экспрессивной функции* рассматривается передача мнения автора [Nord, p. 57]. Речь идет о такой сигнализируемой экспрессивной интенции автора, которая обязательно должна передаваться при переводе текстов с одного языка на другой, соответствуя стандартам культуры, неучет которой делает перевод неадекватным [Демьянков].

Метаязыковая функция позволяет говорить о самом языке; предоставляет разъяснения средствами языка самого языка; истолковывает языковые факты (объясняет значения слова, непонятного для собеседника и др.) [Маслов].

Использование языка в метаязыковой функции обычно связано с какими-то трудностями речевого общения – например, при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или арго. *Метаязыковая функция* соответствует коду, т.е. предметом речи служит сам код. Это язык о «языке». Таким образом, в условиях, когда один из собеседников не полностью владеет

используемым языком, время от времени оказывается нужным проверить надежность «канала связи», т.е. убедиться, что адресату известны и понятны значения слов адресанта, что и предполагает *метаязыковая функция*.

В таких случаях говорящие могут включить в свою речь попутные замечания о самой речи, пояснить слова и выражения, которые, по их мнению, не вполне понятны собеседнику. В метаязыковых комментариях говорящие также могут оценивать слово или его уместность в речи, мотивировать свой выбор решения, подчеркнуть индивидуальные оттенки смысла. К метаязыковым средствам относятся все те лексико-грамматические средства, с помощью которых люди говорят и пишут о языке, например, вводные клише: «так сказать», «как говорят хиппи», кавычки, средства различения «своей» и «чужой» речи, обозначение процессов и участников речевого общения, названия проявлений речи, языковедческой терминологии [Мечковская].

Ряд исследователей предполагает, что языки могут различаться характером и разнообразием своих метаязыковых средств. Так, У. Вейнрейх считает типологически значимой характеристикой лексического запаса языка то, насколько эффективен данный язык для своего собственного описания (степень «циркулярности», определяемости слов друг через друга) [Вейнрейх, с. 221].

Зарубежные исследователи предлагают заменить *металингвистическую функцию* более общей *функцией «метакода»* (или «*метасистемы*»), что, по их мнению, позволит применять данную функцию не только к лингвистическим, но также и к нелингвистическим сообщениям [Rastier, p. 27–29; Hübert].

Поэтическая (эстетическая) функция служит направлению внимания на форму сообщения, превращает текст в произведение искусства; представляет собой функцию эстетического воздействия [Маслов].

По Р.О. Якобсону, *поэтическая* (или *эстетическая*) *функция* речи связана с вниманием к «сообщению ради самого сообщения». Эстетическое отношение к языку проявляется в том, что говорящие начинают замечать сам текст, его звуковую и словесную фактуру. Отдельное слово, оборот, фраза начинает нравиться или не нравиться, восхищать своей ладностью, точностью, глубокой осмысленностью, красотой. Эстетическое отношение к языку, таким образом, означает, что речь (именно сама речь, а не то, о чем сообщается) может восприниматься как прекрасное или безобразное, т.е. как эстетический объект.

Данная функция заметнее всего в художественных текстах, но область ее проявлений шире. Эстетическое отношение к языку возможно в разговорной речи, дружеских письмах, в публицистической, ораторской, научно-популярной речи, т.е. в той мере, в какой для говорящих речь перестает быть только формой, только оболочкой содержания, но получает самостоятельную эстетическую ценность.

Поэтическая функция обычно связана с такой организацией текста, которая в чем-то обновляет, преобразует привычное словоупотребление и тем самым нарушает автоматизм повседневной речи (разговорной, деловой, газетной). Преобразование может затрагивать лексическую и грамматическую семантику (метафора, метонимия и другие виды переносного употребления слов и форм); далее, обновленной может быть синтаксическая структура высказываний и сверхфразовых единств (фигуры экспрессивного синтаксиса); наконец, преобразуется звуковая организация речи (явления ритма, рифмы, аллитерации, звукописи). Речевой автоматизм разрушается также неожиданным и вместе с тем художественно оправданным выбором слов: таких слов, которые не «лежат на поверхности» речевого сознания и поэтому минимально предсказуемы. В силу разнообразных связей между всеми сегментами и уровнями текста преобразование его отдельного компонента отзывается на характере целого. Новизна, неожиданность художественной организации текста, обостряя восприятие, повышает осязаемость текста, в результате сама языковая оболочка текста становится частью его содержания. Однако воздействующая сила эстетически значимого текста связана не только с обновленностью его языковой ткани, но и с особой значимостью для восприятия самой структуры художественного текста. Благодаря ритму, рифме, особой точности и весомости каждого слова, «складности» произведения в целом художественные тексты представляют речевые структуры, обладающие особой устойчивостью к преобразованиям. Такая устойчивость вызывает у слушателя или читателя ощущение того, что воспринимаемый текст – это единственно возможное языковое воплощение «вот этого» содержания, и одновременно – ощущение достоверности и значительности содержания, заключенного в тексте.

Следует отметить, что *поэтическая функция* относится не к способности создавать поэтические произведения, а к способности управлять, манипулировать языком творческим способом [Finch]. Она углубляет фундаментальную дихотомию знаков и предметов [Jakobson, p. 70] и может руководить осознанными и полуосознанными действиями говорящего, продуцирующего речь [Erstein, p. 41].

Эффективность рассматриваемой функции предполагает глубокое и интимное понимание читателем всех недомолвок и намеков автора [Eng, p. 139–140]. Это «кооперирование» адресата протекает параллельно структурированию текста автором. Вообще деятельность читателя можно считать продолжением поэтической функции, ее можно назвать *реконструирующей поэтической функцией*, в противопоставлении авторской *конструирующей поэтической функции* [Демьянков].

Таким образом, мы полагаем, что дополнительные функции диалогического дискурса способны усиливать воздействие доминирующих функций, вносить свои поправки, способствуя порождению более сложной системы диалогического дискурса.

Например, рассмотрим следующий диалог: «*Charles! Now Charles, you may be as dry a stick as you like with everyone else. But you must not be stick-y with me.*» ‘*Then how, dear girl, are we ever to be glued together in holy matrimony?*» ‘*And you will keep your low humour for your club*» [Fowles, p. 10].

Базовые функции диалогического дискурса – коммуникативная, когнитивная, фатическая – обеспечивают само порождение и протекание данного диалога, происходящего между двумя коммуникантами. В качестве доминирующей функции диалогического дискурса выступает регулятивная функция, направленная в данном случае на регуляцию поведения адресата путем запрета действия с целью изменить его намерения совершить определенное действие. Дополнительной функцией выступает в данном случае экспрессивная (эмотивная) функция языка, выражающая субъективно-психологическое отношение адресанта к адресату, его действиям, поступкам, словам и т.д. Реализация данной функции происходит посредством эмоционально окрашенных лексических, синтаксических средств, прагматическое значение которых сводится к усилению воздействия на адресата (реципиента) сообщения. Следует отметить, что лексические и синтаксические средства являются настолько емкими по значению, что несколько функций языка способны реализоваться даже посредством одной языковой единицы. Так, например, через обращение ‘*Charles*’ реализуются непосредственно фатическая функция (а именно: ее вид – контактоустанавливающая функция, адресант устанавливает коммуникативный контакт с адресатом и инициирует коммуникативный процесс), регулятивная функция (оказывающая воздействие на адресата – привлечение его внимания), экспрессивная (эмотивная) функция (выражающая степень негодования адресанта по отношению к действиям адресата).

Таким образом, мы полагаем, что исследование диалогического дискурса с точки зрения реализации в нем определенных языковых функций, открывает новые перспективы развития дискурсивного направления и способствует более глубокому изучению проблематики диалогического дискурса.

Литература

Вейнрейх У. Языковые универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. 1970.

Дейк Т.А., ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.

Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века. 2003 [Электронный ресурс] URL: <http://www.infolex.ru/Func05.htm#9>.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. [Электронный ресурс] URL: http://www.classes.ru/grammar/120.Maslov/html/topic_4.html.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев : 2-е изд., испр. М., 2000.

- Норман Б.* Основы языкознания. Функции языка // Русский язык («Первое сентября»). 2001. № 45.
- Телмя В.Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985.
- Eng J.V.D.* The effectiveness of the aesthetic function // The structure of the literary process: Studies dedicated to the memory of Felix Vodicka. A. Ph.: Benjamins, 1986.
- Epstein E.* The self-reflexive artefact: The function of mimesis in an approach to a theory of value for literature // Style and structure in literature: Essays in new stylistics. Oxford: Blackwell, 1975.
- Finch G.* How to study linguistics. Houndmills: Palgrave Macmillan, 1998 <<http://www.tlumaczenia-angielski.info/linguistics/language-functions.htm>>
- Fowles J.* The French Lieutenant's woman. Bungay, Suffolk, 1969.
- Hübert L.* The Functions of Language. 2006 <http://www.signosemio.com/jakobson/a_fonctions.asp>
- Jakobson R.* Language in literature / ed. by Krystyna Pomorska, Stephen Rudy. Cambr. (Mass.); L.: The Balknap Press of Harvard UP, 1987.
- Lyons J.* Semantics. Cambr. etc.: Cambr. UP, 1977.
- Nord C.* So treu wie möglich? : Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. t.: Narr, 1997.
- Rastier F.* Meaning and Textuality / trans. Frank Collins and Paul Perron. Toronto: University of Toronto Press, 1997.
- Ricoeur P.* La métaphore vive. P.: Seuil, 1975.